

Гончарова О.В.¹⁾, Липатова А.В.²⁾, Напреенко Г.В.³⁾

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ
В СТУДЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОТКРЫТОГО ДАТАСЕТА)[©]

¹⁾ Пятигорский государственный университет,
Россия, Пятигорск, goncharovaov@pgu.ru

²⁾ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, Казань, anna-shab@mail.ru

³⁾ Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово, galina_napreenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается явление речевой агрессии вообще и языка вражды в частности, проявляемые в студенческих виртуальных сообществах социальной интернет-сети ВКонтакте. Для анализа использован открытый датасет, содержащий посты и комментарии университетских пабликовых за 2022–2023 гг. Объектом исследования являются лексические маркеры речевой агрессии, обозначенные посредством сентимент-анализа как негативные. Применяя интегративный подход в исследовании (сентимент-анализ, язык Python, PolyAnalyst как low-code инструмент, дискурс-анализ), авторы выявили четыре основные группы направленности речевой агрессии, наиболее чувствительные к конструированию негативных ярлыков и речевых стереотипов в студенческих сообществах.

Ключевые слова: речевая агрессия; язык вражды; агрессивное речевое поведение; социальная напряженность; датасет; сентимент-анализ.

Поступила: 01.07.2024

Принята к печати: 28.12.2024

Goncharova O.V.¹⁾, Lipatova A.V.²⁾, Napreenko G.V.³⁾

**Linguistic markers of hate speech in VKontakte student communities
(based on an open dataset)[©]**

¹⁾ Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk, goncharovaov@pgu.ru

²⁾ Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan', anna-shab@mail.ru

³⁾ Kemerovo State University, Russia, Kemerovo, galina_napreenko@mail.ru

Abstract. The paper examines the phenomenon of verbal aggression in general and hate speech in particular, manifested in student virtual communities on the social network VKontakte. An open dataset containing posts and comments on university public pages for 2022–2023 was used for the analysis. The object of the study is lexical markers of verbal aggression, designated through sentiment analysis as negative. Using an integrative approach to the study (sentiment analysis, Python language, PolyAnalyst as a low-code tool, discourse analysis), the authors identified four main groups of verbal aggression that are most vulnerable to the construction of negative labels and stereotypes in student communities.

Keywords: verbal aggression; hate speech; aggressive speech behavior; social tension; dataset; sentiment analysis.

Received: 01.07.2024

Accepted: 28.12.2024

Введение

Современное цифровое общество характеризуется рядом уникальных явлений и процессов, которые заслуживают детального анализа. Одной из социально значимых проблем, требующих особого внимания, является уровень конфликтности в цифровой среде [Knüpfer, Entman, 2018; Вартанова, Вырковский, 2023; Бушев, Золотова, 2024]. Особое внимание, на наш взгляд, в данном случае стоит уделить такому феномену, как «эффект расторможенности», который предполагает, что в условиях анонимности и отсутствия непосредственного физического контакта коммуникантов требования к соблюдению социальных и речевых норм ослабевают [Suler, 2004; Мишанкина, 2013; Бовина, Дворянчиков, 2020]. Это приводит к тому, что пользователи цифровых платформ могут допускать более агрессивные или провокационные высказывания, чем это было бы возможно в непосредственной коммуникации. Такая трансформация речевого поведения не только способствует

увеличению конфликтных ситуаций, но и порождает ряд социальных и психологических последствий, требующих тщательного изучения.

Анализ зарубежных и отечественных научных работ (см., например: [Schelling, 1971; van Dijk, 2018; Gyollai, 2022]) показал, что в исследовании процесса вербализации выделяют три основных подхода: количественный, качественный и комплексный. Сегодня актуальна тенденция применения интегративного подхода, при этом все чаще прибегают к цифровым сервисам обработки речевого материала семантического поля. Обработка больших данных позволяет провести подсчет слов-маркеров для выявления количественных характеристик, которые на втором этапе подвергаются качественной интерпретации (дискурсивный анализ связывает воедино три уровня: текст, дискурс и социальную систему).

Практическая значимость исследования языка вражды в студенческих сообществах обусловлена связью лексических маркеров и социальных установок, которые, в свою очередь, могут выражаться в реальных действиях по отношению к определенным социальным группам (дискриминации, стигматизации, стереотипизации, поляризации оценок и других негативных проявлений). Результаты данной работы могут помочь в формировании стратегий снижения уровня конфликтности в Интернете, разработке методов модерации контента и поведения пользователей в цифровой среде.

Социолингвистические аспекты речевой агрессии

Социолингвистический подход рассматривает социальные интеракции и социальные практики в единой связке с языковыми средствами и речевыми приемами. Ряд современных исследователей соотносят тренды социокультурных процессов с лексическими маркерами вербальной коммуникации. В. Майер связывает словоупотребление с социолингвистическими контекстами и стимулами, фиксируя актуализацию общепринятых лексических маркеров или появление авторских неологизмов через отношение общества к важным событиям, явлениям и персонам [Майер, 2019]. На базе аналитики лексических единиц, выделенных из исследуемого семантического поля, формируются коммуникационные модели поведения представителей различных социальных групп, в том числе в контексте социальных сетей [Prabhutoye, 2017]. Социальное влияние как движущий фактор пользовательской активности предлагается

исследовать через «принцип симпатии» и последующие корректирующие действия виртуальных акторов [Anagnostopoulos, 2008]. Социальное поведение анализируется через коммуникативные маркеры влияния, такие как соответствие, идентификация, интернационализация и игнорирование, особое место при установлении маркеров отводится исследованию роли активных пользователей и лидеров мнения [Anger, 2011]. Таким образом, социальное взаимодействие в коммуникативном цифровом пространстве может быть представлено как лексическое тематическое поле, фиксирующее способы представления особенностей интеракции, в том числе агрессивного поведения.

В последние 15 лет исследование языка вражды активно развивается в нескольких направлениях: целенаправленное воздействие на оппонента [Иссерс, 2017; Яковлева, 2016]; агрессия как средство политического влияния на изменение поведения аудитории [Рогачева, 2016], лексические и стилистические формы речевой агрессии [Новикова, Смирнов, 2018]. Практическая значимость таких исследований очевидна: они позволяют сконструировать сценарии речевого агрессивного поведения, выявить направленность и формы речевого воздействия, моделировать механизмы защиты от вербального нападения [Горелик, 2022; Комалова, Кулагина, 2022; Komalova, Kalyuzhnaya, 2022].

Методы и материалы

Эмпирическая база исследования – открытый датасет, содержащий посты и комментарии из университетских пабликсов социальной сети ВКонтакте за 2022–2023 гг.¹ (4 млн записей исходного датасета), пример сообщества – «Подслушано в ...». Датасет содержит всю необходимую информацию для анализа языка вражды в комментариях к постам университетских сообществ ВКонтакте, включая метаданные о самих постах и их авторах: id – уникальный идентификатор записи, univ_name – название университета, name – название группы, group_id – идентификатор группы, screen_name – имя пользователя, оставившего комментарий, id – уникальный идентификатор комментария, date – дата публикации комментария, comments – количество комментариев к посту, likes – количество

¹ Mendeley Data (2022). Dataset containing posts and comments from university publics on the social media VKontakte. – URL: <https://data.mendeley.com/datasets/fvz9mmjzy/1>

лайков к посту, *reposts* – количество репостов поста, *views* – количество просмотров поста, *post* – текст поста, *comment* – текст комментария к посту.

В рамках данного исследования был создан специализированный лингвистический корпус для анализа тональности русскоязычных текстов с использованием предобученной языковой модели RuBERT (*Russian Bidirectional Encoder Representations from Transformers*). Для автоматической разметки лексических единиц по тональности был применен RuBERT, настроенный на задачу *Sentiment analysis*. Данная модель обладает встроенной способностью классифицировать тексты и отдельные слова по эмоциональной окраске, будучи обученной на обширных корпусах, заранее размеченных профессиональными лингвистами по категориям «положительная», «негативная», «нейтральная» и т.д. В процессе обработки модель RuBERT анализировала контекстуальные представления слов в тексте, что позволило учитывать полисемию и контекстуальные оттенки значений. По результатам работы модели был осуществлен отбор лексических единиц, каждой из которых присваивалась соответствующая метка тональности. Такой подход обеспечил высокую точность и воспроизводимость разметки, сопоставимую с качеством ручной работы экспертов.

Созданный корпус представляет собой структурированный набор данных, где каждое слово или выражение связано с техническими метаданными, включая оценку тональности, частотность, морфологические характеристики и позиционные параметры в тексте. Полученные данные могут быть далее использованы для создания кластеров. На первом этапе анализа было выявлено 22 202 комментария, содержащих негативную эмоциональную окраску, далее из данного массива были извлечены 1184 лексемы, маркированные как негативные и эксплицирующие язык вражды. Для дальнейшего анализа из лексических единиц были выбраны только 50 наиболее частотных существительных (табл. 1).

Выбор существительных в качестве основного объекта анализа обусловлен тем, что, по нашему мнению, именно существительные, в отличие от других частей речи, в наибольшей степени отражают концептуальную структуру негативных высказываний и позволяют выявить ключевые объекты и субъекты, против которых направлена речевая агрессия. Анализ существительных, представляющих язык вражды, дает возможность установить, какие

социальные группы, институты или явления становятся мишениями вербальной враждебности в молодежной среде.

Таблица 1

Оценочная лексема	Усредненная оценка	Частотность
г*вно	-4,52632	646
мошенник	-3	614
ужас	-3,17669	532
бред	-3,89076	476
п*здец	-3,3876	387
треш	-3,14169	367
капец	-3,09877	243
кошмар	-3,09132	219
мошенница	-3	219
позор	-3,28261	184
х*йня	-3,53333	180
чёрт	-3,83237	173
ж*па	-3,23529	170
лох	-3	170
фигня	-3,46988	166
пипец	-3,15686	153
беда	-3,13235	136
ад	-3,2406	133
позорище	-3,13084	107
идиот	-3,11	100
обман	-3,4375	96
враньё	-3,12632	95
пизда	-3	88
х*рня	-3,48276	87
отстой	-3,36145	83
тварь	-3	78

Оценочная лексема	Усредненная оценка	Частотность
гад	-3	76
ерунда	-3,78947	76
отписка	-3	74
дичь	-3,38356	73
хр*нь	-3,65753	73
дурак	-3	70
урод	-3	69
с*ка	-3	66
ошибка	-5	64
дискриминация	-3,4127	63
жуть	-3,06452	62
бардак	-3,34615	52
стыд	-3,19608	51
трэш	-3,43137	51
д*рьмо	-3,69388	49
разочарование	-3,36735	49
слабак	-3	48
нытик	-3	47
дура	-3	46
быдло	-3	45
п*здеж	-3,26667	45
псих	-3	44
дебил	-3	40

Далее был разработан скрипт на языке Python, который последовательно просматривал каждую запись в исходном датасете и осуществлял поиск вхождений лексических единиц из сформированного списка. Все комментарии пользователей, оформленные отдельной записью и содержащие хотя бы одно из 50 ключевых слов, были выделены и сохранены в отдельный датасет. Для определения уровня эмоциональности существительных были агреги-

рованы метод автоматизированного семантического анализа с использованием модели RuBERT и оценки уровня негативности, полученные в ходе сентимент-анализа на платформе PolyAnalyst. Полученные результаты были структурированы в виде таблицы, где существительные ранжированы по степени выраженности негативной эмоциональности.

В результате применения представленного алгоритма был получен финальный датасет, включающий 22 тыс. записей, что составляет около 0,55% от общего объема исходных данных. Таким образом, значительное сужение объема анализируемого материала позволило сконцентрироваться на комментариях, наиболее релевантных с точки зрения языка вражды. Ранжирование существительных осуществлялось с учетом количественных оценок полярности, что обеспечило объективность и точность в отборе данных для дальнейшего лингвистического исследования. Инструментом сервиса PolyAnalyst 6.5¹ было проведено сегментирование высказываний по ключевым словам. Дискурс-анализ агрессивных высказываний был произведен в два этапа. На первом этапе осуществлен синтаксический анализ, в ходе которого проанализированы синтаксические деревья, визуализирующие грамматические связи между словами. Таким образом были выделены глаголы действия, связанные с агрессией (например, «атаковать», «унижать», «оскорблять»). После этого были определены семантические роли участников коммуникации, произведена идентификация паттернов, где существительное выступает в роли объекта агрессии, далее выявлены контекстуальные факторы, влияющие на интерпретацию направленности агрессии.

Лингвистические маркеры языка вражды

Вслед за Е.Н. Василенко мы разграничиваем термины «речевая агрессия» и «язык вражды», поскольку субъектом и объектом речевой агрессии может быть человек или группа людей вне принадлежности к социальной группе, то есть речевая агрессия – это форма речевого поведения, нацеленная на оскорбление адресата как индивидуального объекта по широкому ряду признаков (внешность, интеллектуальные способности и прочее). К.Ф. Седов под речевой агрессией понимает «целенаправленное коммуника-

¹ PolyAnalyst 6.5. Megaputer Intelligence. – 2021. – URL: www.megaputer.ru

тивное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов, 2016, с. 84].

Язык вражды – это система речевых средств, выражающая резко отрицательное отношение к коммуниканту по признаку его принадлежности к «чужой» системе ценностей. Такой язык всегда нацелен на определенную социальную группу и базируется на этно-культурной оппозиции «свой – чужой» [Василенко, 2021]. Выявление лингвистических маркеров языка вражды позволяет идентифицировать «чужого» [Галяшина, Никишин, 2021]. Социальные группы, в адрес которых может быть направлен язык вражды, выделяются на основании врожденных или неизменяемых характеристик, таких как раса, происхождение, биологический пол, гендерная идентичность, вызывающих «словесную дискриминацию, речевую агрессию к различным социальным и этническим группам» [Соколова, 2010, с. 275]. В содержании понятия «язык вражды» важной составляющей является верbalная презентация стереотипов и предубеждений [Василенко, 2021; Галяшина, Никишин, 2021; Гладилин 2013; Lakoff 2000].

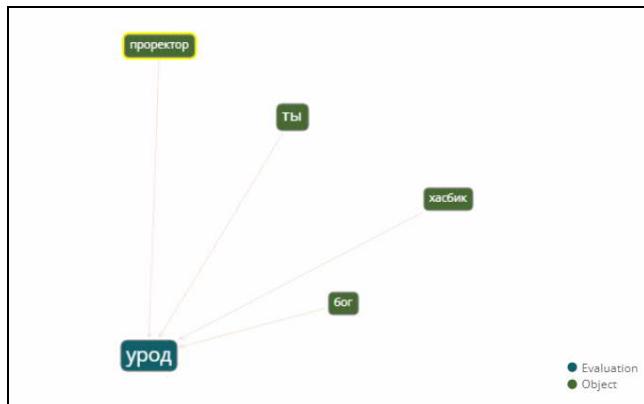

Рис. 1. Граф с вершиной «урод»

Визуализация данных в PolyAnalyst (граф) [PolyAnalyst 6.5; Петров, Саркисова, 2021] отражает связь анализируемого слова с объектами, на характеристику которых направлена лексическая единица. Построение графов позволяет обнаружить основные связи и зависимости, что помогает более глубокому и качественному анализу

текстов. Рис. 1 с вершиной «урод» демонстрирует визуализацию четырех типов связей (Узлы: 5 / Связи: 4). На граfe отражена сочетаемость слова «урод»: *проректор*, *ты*, *бог*, *хасбик*. В первую очередь в связи с поставленной задачей выявления и описания лингвистических маркеров языка вражды в студенческих сообществах социальной интернет-сети ВКонтакте рассматриваются объекты – представители группы (*проректор* – группа «система образования, ее элементы или представители»). Затем посредством дискурс-анализа вручную исследуются все речевые высказывания, содержащие в своей структуре вершинные компоненты графа и объекты (узлы), связанные с ними, с целью уточнения качества объекта: индивидуальный объект, в адрес которого направлена речевая агрессия, или человек или группа людей, по отношению к которым обнаруживается негативное и/или дискриминационное отношение, обозначаемое «языком вражды».

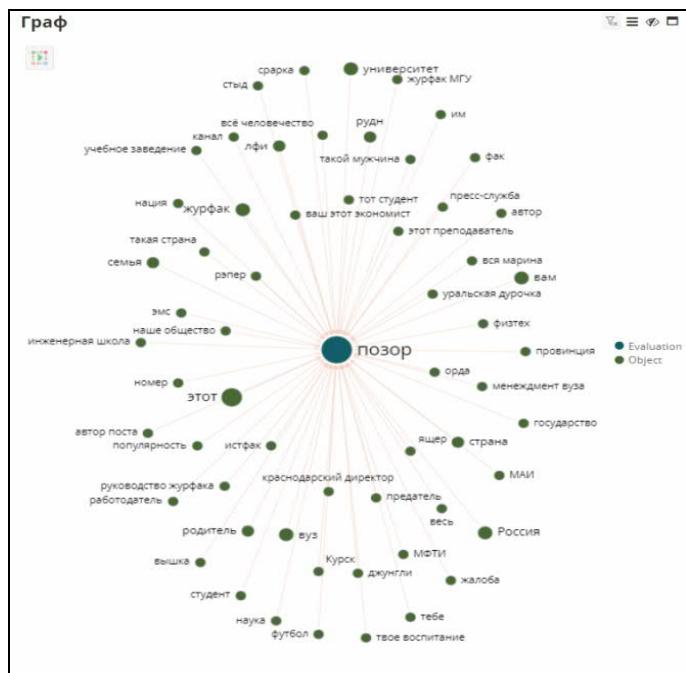

Рис. 2. Граф с вершиной «позор»

На рис. 2 представлен граф с вершиной «позор» (Узлы: 60 / Связи: 59). Существительное *позор* (как и слово *позорище*) на основе сентимент-анализа включено в список 50 наиболее часто употребляемых существительных с негативной окраской. Некоторые связи в графе указывают на принадлежность объектов к определенным и даже конкретным группам: *МФТИ, РУДН, журфак, менеджмент вуза, истфак* и т.п. Остальные связи неочевидны и подлежат дальнейшему дискурс-анализу.

Для разбиения лексического массива на кластеры была использована модель гиBERT, обученная на большом корпусе русскоязычных текстов и способная генерировать контекстуальные эмбеддинги слов (векторные представления), учитывающие их семантику в различных контекстах. После получения эмбеддингов слов из исследуемого массива данных, между ними было рассчитано косинусное расстояние, и они были распределены по кластерам на основе алгоритма K-means (алгоритм поиска ближайших соседей). Выделены следующие кластеры: зооморфы (*тв*рь, гад, крыса, свинья, олень*), часть тела (*ж*па, з*дница*), делинквентная деятельность (*жулик, мошенник, вор, бандит*), негативная оценка человека (*лох, слабак, нытик, быдло*), мусор, отходы (*г*вно, бардак, д*ерьмо, параша*), негативная оценка внешности (*урод*), умственная отсталость (*идиот, дурак, псих, дебил*), порицание (*позор, обман, вранье, стыд*), фантастические существа (*черт, монстр, чудовище, демон*), нецензурные слова (*х*рня, пипец, капец*), ориентация (*тид*р*), этнофоли兹мы (*чурка*), высокая степень страха (*ужас, кошмар, ад, жуть*), отрицательное действие (*отписка, ошибка, скандал*).

Анализ датасета позволил установить четыре основные социальные группы, в адрес которых в комментариях студенческих сообществ вербализованы признаки языка вражды. Под социальной группой понимается устойчивая совокупность людей, объединенных по формальным или неформальным признакам, в том числе имеющих групповую социальную позицию [Савченко, 2014]. Первая социальная группа – адресант враждебных высказываний – имеет ключевой признак – принадлежность к сфере высшего образования. Вторая группа – политические ориентиры, отличные от принятых в российском обществе или в виртуальном контексте (инакомыслие). Третья группа – ценностные установки, относящиеся к сферам с высоким уровнем конфликтогенности. Четвертая

группа – принадлежность к национальным, религиозным, этническим меньшинствам, молодежным субкультурам.

Речевая агрессия в отношении группы «принадлежность к сфере высшего образования» представлена наиболее широко и вербализуется преимущественно следующими формами: *идиотизм* (кластер «умственная отсталость»), *мошенник*, *жулик* (кластер «делинквентная деятельность»), *позор*, *позорище*, *стыдно* (кластер «порицание»), *тварь*, *дичь* (кластер «зооморфы»), *г*вно*, *параша*, *бардак* (кластер «мусор, отходы») и т.п.

Многочисленны примеры оценочных суждений представителей образовательных учреждений: «*Менеджмент отстой полный*. Там деканат полный идиотов. А сам декан *придурок* полный, врет студентам и не краснеет¹»; «я спокойно взял Академ после того, как с*ка с кафедры физики(не Смык) захотел бабла, написал мне в листе 7/10 баллов и поставил неуд со словами “одного балла до тройки не хватило, жалко”, я же высказал ему ,какой он убл*док и вышел, взял Академ и все, после ,вернулся снова» и т.п. Абстрактная лексика, выражающая оценочное суждение и чувство неудовлетворенности в отношении описываемого объекта или действия: «*Есть несколько моментов, которые портят первое впечатление об этом <...> прославленном учебном заведении*. 1. Держать родителей на улице – это неприкрытое *хамство*»; «*По-моему, это позорище для столь престижного учреждения*»; «*не ходите в вялту, одно разочарование*» и т.п. Выражение удивления и отвращения осуществляется и сленгом – лексемы *треш* и *трэши*: «*Общежитие 5, это трэши*»; «*Да ладно, на моей памяти есть препод, которая хорошо относилась только к тем, кто верующий и праздники какие-то каждую пару спрашивала, из ряда «день пресвятого прадеда иоанна десятого» Вот это трэши*» и пр.

Негативная оценка учебных заведений, их организации также актуализируется лексемами «бардак», «дичь», «позор», «кошмар», «ужас», «трэш», а критика преподавателей, администрации реализована словами «придурки», «идиоты», «хамы», «лицемеры».

Язык вражды в группе «политические ориентиры, отличные от принятых в российском обществе или в виртуальном контексте (инакомыслие)» представлена ключевыми лексемами: *тварь*, *мучительная смерть*, *смерть*, *мразь*, *ужас*, *позор*, *жулик*, *мошенник*,

¹ Орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены, за исключением замены в нецензурных, бранных словах одной буквы знаком *.

лицемеры. Например: «она заукраинская либерашная *тварь*, а не девушка». Идеологическое разделение на «своих» и «чужих» в данной группе вербализуется лексемами: «леваки», «либералы», «либеральная тупость», «антироссийские высеры» и т.д. Ключевые слова «бандиты», «воры», «мошенники», «грабители», «преступники» транслируют обвинения в коррупции, преступности, предательстве.

Язык вражды в группе «ценностные установки, относящиеся к сферам с высоким уровнем конфликтогенности» (религия, национальность и идентификация себя в обществе вер и т.п.) представлена лексемами, выражающими эмоции (*стыдно*), отношение (*убожество, х*рня, бардак*) к обсуждаемой теме поста. Отличительным кластером данной группы являются этнофоли兹мы, экспрессивные этнонимы: чурка, чушка. Например: *«п*здабол мошенник, который сидит состарил страницами не верьте этой чушке»* и пр.

Пренебрежительные, уничижительные обращения в группе «принадлежность к национальным, религиозным, этническим меньшинствам, молодежным субкультурам» выражены ключевыми лексемами: «малолетние», «стадо», «бездари», «паразиты», «г*ндоны», «п*здаболы», «мрази», «животные». Фразы «разгул нацизма», «эмо», «готы», «эльфы», «сатанисты», «алкаши», «драки» актуализируют обвинения представителей «чужой» группы в аморальном поведении. Младшая молодежь описывается как слабая, недалекая, требующая к себе внимания; обобщены и стереотипизированы образы представителей вузов или направления – гуманитарного, технического.

Лингвосемантический анализ комментариев университетских пабликов социальной интернет-сети ВКонтакте за 2022–2023 гг., содержащих признаки «языка вражды» относительно описанных в статье социальных групп, позволил отнести высказывания, содержащие использованные в исследовании имена существительные (50 самых частотных), к «мягкому языку вражды», согласно классификации А.М. Верховского [Верховский, 2002], направленному на создание негативного образа группы, убеждение в наличии у нее моральных недостатков, упоминание социальной группы или ее представителей в унизительном или оскорбительном контексте. Примеры жесткого языка вражды, подразумевающего наличие призывов к насилию, также были выявлены, однако описание таких контекстов не входило в задачи настоящего исследования.

Заключение

В рамках исследования был изучен сегмент студенческих сообществ ВКонтакте с целью обнаружения признаков языка вражды в определенном массиве цифровой реальности. Мы не выявили высокого уровня присутствия языка вражды в исследуемом эмпирическом материале, что, на наш взгляд, связано с особенностями функционирования социальных норм в рамках конкретных студенческих интернет-сообществ. Однако представленная в статье последовательность исследовательских приемов, выявляющая негативную направленность речевого произведения на объект высказывания, может быть экстраполирована на другие тематические интернет-группы. Дискуссионным остается вопрос влияния отдельных социальных факторов (например, гендера и возраста участников, социальных норм, социальных практик и т.д.) на проявление негативных оценок.

Представленный в работе комплекс исследовательских приемов позволил выявить в комментариях студенческих сообществ ВКонтакте ключевые тематические области, в которых наблюдается наиболее высокая концентрация речевой агрессии, направленной в адрес индивидуального объекта, и языка вражды, направленного на социальную группу, а также идентифицировать наиболее уязвимые социальные группы, в отношении которых чаще всего применяются враждебные высказывания. В целом язык вражды характеризуется идеологической мотивацией, разделением на «своих» и «чужих»; обвинениями в преступности, аморальности, предательстве; призывами к насилию; использованием уничижительных, оскорбительных выражений.

В перспективе исследования – разработка методики выявления и классификации эмоциональных паттернов языка вражды в молодежных интернет-сообществах, а также создание базы данных эмоциональных паттернов языка вражды, выявленных в молодежных сообществах и каналах. Такая база данных может стать основой для дальнейших исследований и использоваться для мониторинга и выявления потенциальных очагов социальной напряженности.

Список литературы

- Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 98–108.
- Бушев А.Б., Золотова Н.О. Конфликтология цифровой среды: проблемы и решения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 1(80). – С. 89–96.
- Вартанова Е.Л., Вырковский А.В. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 82. – С. 321–338.
- Василенко Е.Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2021. – № 2(249). – С. 90–97.
- Верховский А.М. Язык мой...: проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. – Москва: Центр «Панорама», 2002. – 200 с.
- Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации // Вестник СПбГУ. Серия 14: Право. – 2021. – № 3. – С. 555–573.
- Горелик П.Л., Русакова М.М., Куценко Л.В. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 4. – С. 1242–1246.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.
- Комалова Л.Р., Кулагина Д.А. Восприятие вербализованной агрессии в контексте и вне контекста сообщений социальной интернет-сети «Твиттер» // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – С. 229–240.
- Майер В.С. Языковые маркеры современности на примере международной организации Loesje // Форум молодых ученых. – 2019. – № 1–2(29). – С. 648–653.
- Мишианкина Н.А. Социальные нормы в интернет-коммуникации: социолингвистический аспект // Гуманитарная информатика. – 2013. – № 7. – С. 72–78.
- Новикова Т.Ф., Смирнов П.Ю. Приемы нейтрализации вербальной агрессии в составе средств речевого воздействия // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. – 2018. – № 2. – С. 194–203.
- Петров Е.Ю., Саркисова А.Ю. Ресурс аналитической платформы PolyAnalyst в социогуманитарных научных исследованиях // Открытые данные – 2021. Материалы форума / под ред. А.Ю. Саркисовой. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – С. 94–104.
- Рогачева Т.Н. Вербализация концептов «народ» и «власть» в политическом медиадискурсе (на примере имиджмейкинга политических акторов в социальных сетях) // Медиалингвистика. – 2016. – № 1(11). – С. 105–114.
- Савченко Д.В. Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленические модели // Общество и право. – 2014. – №3(49). – С. 292–296.
- Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2016. – 440 с.

- Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2010. – № 4. – С. 274–280.
- Яковлева Ю.В. Речевые маски как форма выражения агрессии в советской газетно-журнальной полемике 20-х годов ХХ в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературология. Языкоизнание. Культурология. – 2016. – № 4(13). – С. 136–142.
- Anagnostopoulos A., Kumar R., Mahdian M. Influence and correlation in social Networks // Proceedings of the 14th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. – New York : ACM, 2008. – P. 7–15.
- Anger I., Kittl Ch. Measuring influence on Twitter // Proceedings of the 11th International Conference on Knowledge Management and Knowledge Technologies, Graz, Austria, September 7–9. – New York : ACM, 2011. – Vol. 31. – P. 1–4.
- van Dijk T.A. Sociocognitive discourse studies // The Routledge handbook of critical discourse studies / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2018. – P. 26–43.
- Gyollai D. The sociocognitive approach in critical discourse studies and the phenomenological sociology of knowledge: intersections // Phenom Cogn Sci. – 2022. – Vol. 21. – P. 539–558.
- Knüpfer C.B., Entman R.M. Framing conflicts in digital and transnational media environment // Media, War & Conflict. – 2018. – Vol. 11(4). – P. 476–488.
- Komalova L., Kalyuzhnaya L. Categorization of threatening speech acts // Speech and Computer. SPECOM 2022. Lecture Notes in Computer Science series. LNAI. – 2022. – Vol. 13721. – P. 372–381. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-20980-2_32
- Lakoff R.T. The language war. – Berkeley : Univ. of California Press, 2000. – 322 p.
- Linguistic markers of influence in informal interactions / Prabhumoye Sh., Choudhary S., Spiliopoulou E., Bogart Ch., Rose C., Black A. // Proceedings of the Second Workshop on NLP and Computational Social Science 2017. – Vancouver : ACL, 2017. – P. 53–62. – URL: <https://aclanthology.org/W17-2908>
- Pang B., Lee L. Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. – 2008. – Vol. 2(1–2). – P. 1–135.
- Schelling Th. Dynamic models of segregation // The Journal of Mathematical Sociology. – 1971. – Vol. 1 (2). – P. 143–186.
- Suler J. The online disinhibition effect // CyberPsychology & Behavior. – 2004. – Vol. 7(3). – P. 321–326.

References

- Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V. (2020). Povedenie onlajn i oflajn: k voprosu o vozmozhnosti prognoza. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya*, 16(4), 98–108.
- Bushev, A.B., Zolotova, N.O. (2024). Konfliktologiya tsifrovoy sredy: problemy i resheniya. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 1(80), 89–96.
- Vartanova, E.L., Vyrkovskij, A.V. (2023). Media i sotsial'nye konfliktы: teoretiко-metodologicheskie vyzovy mezhdistsiplinarnogo podhoda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 82, 321–338.
- Vasilenko, E.N. (2021). “Yazyk vrazhdy” kaka forma proyavleniya konfliktov, osnovannykh na stereotipakh. *Trudy BGTU. Seriya 4: Print- i mediatekhologii*, 2(249), 90–97.

- Verhovskij, A.M. (2002). *Jazyk moj...: Problema jetnicheskoi i religioznoj neterpimosti v rossijskikh SMI*. Moscow: Tsentr "Panorama".
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2021). Yazyk vrazhdy kak ugroza informatsionnoj bezopasnosti internet-kommunikatsii. *Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo*, 3, 555–573.
- Gorelik, P.L., Rusakova, M.M., Kucenko, L.V. (2022). Rechevaja agressija kak strategicheskaja kommunikatsija. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 4, 1242–1246.
- Issers, O.S. (2017). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moscow: Lenand.
- Komalova, L.R., Kulagina, D.A. (2022). Vospriyatie verbalizovannoy agressii v kontekste i vne konteksta soobshchenij sotsialnoy internet-seti "Twitter". In *Rechevaya kommunikatsiya v setevyh strukturah: mezhdu globalnym i lokalnym* (pp. 229–240). Moscow: INION RAN.
- Majer, V.S. (2019). Yazykovye markery sovremennosti na primere mezdunarodnoj organizatsii Loesje. *Forum molodyh uchenyh*, 1–2(29), 648–653.
- Mishankina, N.A. (2013). Sotsialnye normy v internet-kommunikatsii: sotsiolingvisticheskij aspect. *Gumanitarnaya informatika*, 7, 72–78.
- Novikova, T.F., Smirnov, P.Ju. (2018). Priemy nejtralizatsii verbal'noj agressii v sostave sredstv rechevogo vozdejstvija. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 2, 194–203.
- Petrov, E.Ju., Sarkisova, A.Ju. (2021). Resurs analiticheskoy platformy PolyAnalyst v sotsiogumanitarnyh nauchnyh issledovanijah. In *Open Data 2021. Forum materials* (pp. 94–104). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Rogacheva, T.N. (2016). Verbalizatsija kontseptov "narod" i "vlast" v politicheskem mediadiskurse (na primere imidzhmejkinga politicheskikh aktorov v sotsial'nyh setjah). *Medialinguistics*, 1(11), 105–114.
- Savchenko, D.V. (2014). Sotsialnye gruppy v strukture obshchestva: teoreticheskie kontseptsi i upravlencheskie modeli. *Obshchestvo i pravo*, 3(49), 292–296.
- Sedov, K.F. (2016). *Obshhaja i antropotsentricheskaja lingvistika*. Moscow: Izdatel'skij dom YaSK.
- Sokolova, E.P. (2010). Agressivnye tendentsii v rossijskikh SMI kak proyavlenie oso-bennostej politicheskoy kul'tury. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, 4, 274–280.
- Jakovleva, Ju.V. (2016). Rechevye maski kak forma vyrazheniya agressii v sovetskoj gazetno-zhurnalnoj polemike 20-h godov XX v. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 4(13), 136–142.
- Anagnostopoulos, A., Kumar, R., Mahdian, M. (2008). Influence and correlation in social Networks. In *Proceedings of the 14th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining* (pp. 7–15). New York: ACM.
- Anger, I., Kittl, Ch. (2011). Measuring influence on Twitter. *Proceedings of the 11th International Conference on Knowledge Management and Knowledge Technologies*, 31, 1–4.
- van Dijk, T.A. (2018). Sociocognitive discourse studies. In Wodak, R., Meyer, M. (eds.) *The Routledge handbook of critical discourse studies* (pp. 26–43). London: Sage.
- Gyollai, D. (2022). The sociocognitive approach in critical discourse studies and the phenomenological sociology of knowledge: intersections. *Phenom Cogn Sci*, 21, 539–558.
- Knüpfer, C.B., Entman, R.M. (2018). Framing conflicts in digital and transnational media environment. *Media, War & Conflict*, 11(4), 476–488.

- Komalova, L., Kalyuzhnaya, L. (2022). Categorization of threatening speech acts. *Speech and Computer. SPECOM 2022. Lecture Notes in Computer Science series. LNAI*, 13721, 372–381. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-20980-2_32
- Lakoff, R.T. (2000). *The language war*. Berkeley: University of California Press.
- Prabhumoye, Sh., Choudhary, S., Spiliopoulou, E., Bogart, Ch., Rose, C., Black, A. (2017). Linguistic Markers of Influence in Informal Interactions. In *Proceedings of the Second Workshop on NLP and Computational Social Science2017* (pp. 53–62). Retrieved from: <https://aclanthology.org/W17-2908/>
- Pang, B., Lee, L. (2008). Opinion mining and sentiment analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2(1–2), 1–135.
- Schelling, Th. (1971). Dynamic models of segregation. *The Journal of Mathematical Sociology*, 1(2), 143–186.
- Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 7(3), 321–326.

Об авторах

Гончарова Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, руководитель НОЦ «Интеллектуальный анализ данных», доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный университет, Россия, Пятигорск, goncharovaov@pgu.ru

Липатова Анна Вячеслововна – кандидат политических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, Казань, anna-shab@mail.ru

Напреенко Галина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, Россия, Кемерово, galina_napreenko@mail.ru

About the authors

Goncharova Oxana Vladimirovna – Ph.D. of Philology, Head of the Scientific Research Center “Intellectual Data Analysis”, Associate Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk, goncharovaov@pgu.ru

Lipatova Anna Vyacheslovna – Ph.D. of Political Science, Associate Professor, Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan, anna-shab@mail.ru

Napreenko Galina Viktorovna – Ph.D. of Philology, Associate Professor, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Russia, Kemerovo, galina_napreenko@mail.ru